

Сам поранился, боясь, что его поругают, сначала сказал:

— Прости.

Чтобы даже если захотеть отругать, не смогли.

Чи Чэн взял салфетку и вытер кровь, просунув её под воротник. Кожа была слишком белой, и любая рана на ней выглядела особенно заметно.

Тао Хуайнань боялся Чи Чэна, и когда тот обрабатывал его рану, он вёл себя очень послушно.

На самом деле Чи Чэн редко ругал Тао Хуайнаня за его ушибы и царапины. Каждый раз Тао Хуайнань тихо объяснял:

— Я не специально.

Хотя ему и не нужно было этого делать. Все знали, что он не специально. Он просто не мог видеть опасности вокруг, и по сравнению с обычными детьми его возраста Тао Хуайнань был очень послушным. В незнакомых местах он почти не двигался, только в знакомых местах он мог расслабиться и иногда свободно ходить.

Даже так он не мог избежать травм. Тао Хуайнань не любил использовать трость, он ненавидел её. Эта палка не давала ему никакого чувства безопасности, и, держа её в руках, он чувствовал себя ещё более одиноким. Без инструмента для разведки, без опоры, споткнувшись или наткнувшись на что-то, он пугался сам, так зачем его ругать?

Боясь, что на гвозде могла быть ржавчина, Чи Чэн долго обрабатывал рану. Это была довольно глубокая маленькая дырочка, гвоздь вошёл в неё на небольшой отрезок. При дезинфекции было немного больно, и Тао Хуайнань время от времени вздыхал, но не смел громко жаловаться, только через некоторое время тихо говорил:

— Больно.

— Потерпи, — сказал ему Чи Чэн.

Тао Хуайнань ответил:

— Хорошо.

И покорно опустил голову, позволяя ему обрабатывать рану.

Маленькая дырочка, и в конце Чи Чэн наклеил на неё пластырь. Тао Хуайнань наконец вздохнул с облегчением, улыбнулся в сторону Чи Чэна и снова сказал:

— Прости, братец.

Чи Чэн взял его за подбородок и ущипнул за щёку, заставив его вытянуть губы, чтобы он не мог говорить.

Тао Хуайнань, с вытянутыми губами, невнятно спросил:

— Ты закончил учиться?

Чи Чэн спросил:

— Зачем?

— Сегодня мой день рождения, посиди со мной, — сказал Тао Хуайнань.

— Ладно, — Чи Чэн отпустил его лицо и, видя покрасневшие щёки, провёл по ним пальцами.

Неизвестно, с какого времени Чи Чэн начал так часто щипать Тао Хуайнаня, и тот привык к этому. Иногда он щипал его за щёки, иногда за руку, а иногда, когда Тао Хуайнань спал мягко и тепло, он щипал его за живот через одежду.

У Тао Хуайнаня всё тело было чувствительным, иногда он отстранялся, а иногда просто смеялся и позволял себя щипать.

С тех пор, как Тао Хуайнаню было восемь лет, они были вместе, и теперь ему почти шестнадцать.

Половину своей жизни он провёл с Чи Ку, и для ребёнка его возраста семь-восемь лет — это очень долго.

В магазине был огромный праздничный торт, заказанный Братом Хуаном. Когда его привезли, сотрудники узнали, что сегодня день рождения Тао Хуайнаня, и в чате маленьких инвалидов начали сыпаться поздравления «С днём рождения» и маленькие денежные подарки.

Тао Хуайнань принял все маленькие подарки, которые были не большими, но полны добрых пожеланий от старших братьев и сестёр. Те, кто приходил подрабатывать в магазин, были как минимум студентами, все старше Тао Хуайнаня на несколько лет, милые братья и сёстры.

Тао Хуайнань был чем-то озабочен, поэтому съел только маленький кусочек торта. Брат Хуан спросил:

— Сегодня аппетит плохой? Обычно наш Сяонань мог бы съесть целый слой сам.

Тао Хуайнань улыбнулся и снова зачерпнул ложкой фрукты из начинки.

Другие ели торт с бумажных тарелок, а Тао Хуайнаню нужна была миска, потому что он не мог точно управляться с ложкой на тарелке, и через несколько движений всё падало на пол.

— Ты ничего не понимаешь, — сказал Тао Сяодун, подкатившись на стуле.

Он не закончил работу, и на руках у него были грязные перчатки. Тао Сяодун открыл рот, и Чи Ку поднёс ему большую ложку торта. Тао Сяодун, жуя, сказал:

— Братец сам сделал торт, дома ещё целый ждёт, кто будет есть этот купленный?

— О, правда? — Брат Хуан указал на торт и пошутил с Тао Хуайнанем:

— Поверь мне, лучше съешь этот, торт твоего брата разве может быть вкуснее, чем этот за несколько тысяч?

Тао Хуайнань только улыбался, ничего не говоря.

Чи Чэн всё ещё был прописан у Брата Хуана, и с юридической точки зрения он был его опекуном, так что теперь он и Тао Хуайнань формально были разного поколения.

— Вот ты тоже, мог бы сделать больше и сразу принести, мне бы не пришлось заказывать, — Брат Хуан подмигнул Чи Ку. — А, сынок?

— Отвали! — Тао Сяодун снова открыл рот, и Чи Ку поднёс ему тарелку.

Тао Сяодун откусил большой кусок.

— Ты одним выстрелом убил трёх зайцев.

Тао Сяодун откатился обратно, чтобы продолжить работу. Клиентка была молодой девушкой, и она тоже ела торт.

Брат Хуан крикнул ему:

— В домовой книге написано, если быть точным, ты должен называть меня дядей.

Два владельца магазина были очень близки, и каждый раз, когда они шутили, окружающие сотрудники смеялись.

Маленькие секреты Тао Хуайнаня не могли ускользнуть от двух братьев, и брат разоблачил его перед всеми.

Чи Чэн действительно сделал торт для Тао Хуайнаня, приготовил его накануне и оставил в холодильнике на сегодня. Он планировал потренироваться несколько раз, но с первого раза всё получилось. Тао Хуайнань был так привержен ритуалам, что торт, сделанный братом, обязательно должен был быть вкуснее, чем купленный.

Торт не был украшен изысканно, но Тао Хуайнань всё равно не мог его видеть, он не мог трогать его руками, главное, чтобы он был вкусным.

А вкусным он был точно. Основа торта была сделана из влажного шоколадного мусса, с тонким слоем молочного желе посередине и верхним слоем, усыпанным кусочками фруктов.

Даже без субъективных суждений, объективно говоря, Тао Хуайнань действительно считал, что он вкуснее, чем купленный. Никто не знал вкусы Тао Хуайнаня лучше, чем Чи Чэн, и он сделал всё по его предпочтениям, так что не могло быть иначе.

Тао Хуайнань теперь был избалован в еде, ему многое не нравилось, и он был привередлив. Чи Чэн иногда был строг с ним, а иногда баловал, например, в еде он его не ограничивал. В выходные, когда не было учёбы, он готовил ему блюда и варил лапшу, и чем больше он его баловал, тем привередливее становился Тао Хуайнань, и если какое-то блюдо ему не нравилось, он клал его в тарелку Чи Чэна.

Иногда Тао Сяодун не мог этого выдержать и делал ему замечания. В таких случаях Чи Чэн защищал его, говоря:

— Всё в порядке.

Тао Хуайнань наелся торта до отвала и чувствовал, что даже дышать ему тяжело. Завтра понедельник, и им обоим нужно было идти на учёбу. Тао Хуайнань умылся, и было только восемь часов вечера, ещё рано ложиться спать, поэтому он лёг на колени Чи Чэну, надел наушники и снова стал слушать книгу.

Чи Чэн положил руку ему на голову и тоже читал книгу.

Выражение лица Тао Хуайнаня было слишком напряжённым, и Чи Чэн не мог не заметить этого. Он видел, как Тао Хуайнань то хмурился, то слегка расслаблялся, потом снова хмурился, создавая маленький узел на лбу, и даже вздыхал от удивления.

Чи Чэн снял с него один наушник. Обычно Тао Хуайнань спокойно позволял ему слушать, даже если там были слегка откровенные сцены, он был спокоен и уверен. Но на этот раз, как только Чи Чэн коснулся его уха, Тао Хуайнань сразу же сел и закрыл наушник рукой.

Чи Чэн поднял бровь и спросил:

— Что ты слушаешь?

Тао Хуайнань, прикрывая ухо, настороженно ответил:

— Эротiku.

— Эротiku, так зачем ты от меня прячешься? — Чи Чэн потянулся за его телефоном, но Тао Хуайнань отбил его руку, спустился с кровати и босиком пошёл в спальню.

У него появился секрет.

Чи Чэн на самом деле не собирался его контролировать, и когда Тао Хуайнань ушёл в спальню, он не пошёл за ним. Тао Хуайнань сам в спальне не издавал ни звука, и когда Чи Чэн вернулся, он уже спал.

Он спал, всё ещё хмурясь, и не снял наушники. Чи Чэн снял их, обмотал вокруг телефона и положил на тумбочку.

Тао Хуайнань лежал на кровати наискосок, и Чи Чэн, поддерживая его за шею, переместил его прямо. Тао Хуайнань, полусонный, пробормотал:

— Братец Ку.

— Спи, — сказал Чи Чэн.

— Спокойной ночи, — тихо пробормотал Тао Хуайнань, придвинувшись к Чи Чэну, привычно стараясь прижаться к нему.

Чи Чэн только что лёг, и когда Тао Хуайнань прижался, он просто положил руку на него.

Однако через несколько секунд Тао Хуайнань, видимо, что-то вспомнил, перевернулся на другой бок и отодвинулся от Чи Чэна.

Чи Чэн не придал этому значения, сам перевернулся на другой бок.

Этот маленький актёр, видимо, снова разыгрывал что-то в своей голове, и в последнее время он был не совсем в себе. Каждый раз, когда с ним что-то происходило, Чи Чэн замечал это только через много дней, так как его нервы были слишком грубыми, чтобы быть на одной волне с Тао Хуайнанем.

Чи Чэн просто заметил, что в последнее время Тао Хуайнань был особенно увлечён телефоном, и наушники почти не снимал с ушей.

<http://bllate.org/book/16228/1458235>